

Глава 25. Сэкономлю для тебя

Когда Ци Цзю пришел в себя, ночь уже перевалила за середину.

Юй Юньлян оказался на редкость расторопным: он не только сумел доставить раненого принца вместе с каретой в полуразрушенное поместье, но и заново обработал его раны на ребрах и правой руке.

Лучшее лекарство и впрямь творило чудеса.

Система, просканировав ткани сквозь чистые белые бинты, сообщила, что всего за пару часов кровотечение полностью прекратилось, а раны подсохли и затянулись тонкой корочкой. Если Ци Цзю не станет снова ввязываться в авантюры, а смиренно проведет несколько дней в покое, то повреждения заживут без следа.

Ци Цзю лежал на тахте, вполуха слушая наставления Системы. Сама идея тихого отдыха его не пугала, но тело затекло от неподвижности. Он осторожно прижал руку к боку и попытался сесть.

В ту же секунду его плечо придавила сильная ладонь.

— Не смей дергаться.

В комнате царил кромешный мрак. Ци Цзю послушно замер и снова откинулся на подушки.

— Юй Юньлян?

Он только что очнулся после тяжелого ранения, и голос его звучал еще слабо, с характерной хрипотцой пересохшего горла. В этой неспешной тишине имя юноши отозвалось особенным, почти певучим ритмом.

Юй Юньлян на миг замер, но тут же взял себя в руки и зажег масляную лампу.

— Это я.

Приблизившись с огнем, он внимательно всмотрелся в лицо принца, припоминая наставления лекаря.

— Тебе нельзя вставать еще три дня.

Ци Цзю проявил редкое благоразумие: он лишь прикрыл глаза ладонью от резкого света,

начиная свой первый день затворничества.

— Сколько ты потратил на лекарства?

Свергнутый наследный принц был сама щедрость:

— Можешь выставить мне счет.

— .....

При одном упоминании об этом Юй Юньлянь помрачнел. Он до боли сжал в рукаве поношенный сверток с остатками своих сбережений.

— Не спрашивай.

Ушел целый лян серебра... и даже больше. Ведь одними мазями дело не обошлось: бинты, притирки и прочие мелочи вытянули еще медяков тридцать. У Юй Юньляна не было при себе ничего ценного, и ему пришлось оставить в залог свой яопай из Директората церемоний, чтобы перевезти принца домой.

Наложив повязки, юноша со всех ног бросился назад, чтобы забрать припрятанные за годы службы крохи. На обратном пути, проходя мимо знакомого лотка, Юй Юньлянь — сам того не осознавая — выудил из кошелька последние пять медяков и жестами попросил полторы порции сладкого отвара. Половину он отнес в соседнюю чайную лавку, где за небольшую плату его разбавили крепким настоем.

...Так вкус и впрямь стал благороднее.

Стоя у чайного прилавка и глотая обжигающую жидкость, Юй Юньлянь не мог выкинуть из головы ту руку, сжимавшую вожжи. Он вспоминал раны Ци Цзю и смотрел на свои ладони, на которых остались лишь едва заметные красные полосы — принц вовремя обмотал их тканью.

Юноша никак не мог взять в толк: что же творится в голове у этого странного, непредсказуемого человека?

А Ци Цзю в это время думал о лакомстве — он уже чувствовал тонкий, сладкий аромат корицы и меда.

— А где моя порция?

Юй Юньлянь очнулся от своих мыслей и бросил на него мрачный, тяжелый взгляд. Спустя

минуту он молча вышел и принес с жаровни чашку отвара. Бережно приподняв принца за плечи, он помог ему сесть так, чтобы не потревожить рану, и подложил под спину мягкий валик.

— Благодарю, — Ци Цзю не удержался от вопроса. — Ты что, так и нес её в руках всю дорогу?

— .....

«Ну почему этот принц не может просто помолчать?» — пронеслось в голове у юноши. Не удостоив его ответом, Юй Юньлян сел на край тахты. Проверив температуру первой ложки, он поднес вторую к губам Ци Цзю.

— Открывай рот.

Левый бок принца был скован повязками, а правая рука из-за бинтов напоминала огромную белую клешню, так что спорить он не стал. Ци Цзю смиренно принимал угощение из рук юноши, пока не почувствовал, что сыт.

— В следующий раз... просто попроси хозяина завернуть с собой.

В лавке отвары обычно не отдавали вместе с посудой, но если сказать «на вынос», то порцию наливали в маленькое бамбуковое ведерко, выстеленное промасленной бумагой. За одну только ночь Юй Юньлян умудрился «позаимствовать» у бедного торговца уже четыре чашки.

— .....

Юй Юньлян некоторое время молча сверлил принца взглядом. Убедившись, что тот выглядит вполне бодрым и умирать не собирается, он без лишних слов перелил остатки отвара в свой походный бурдюк. Бросив сосуд на колени Ци Цзю, юноша резко развернулся к выходу.

Но не успел он дойти до двери, как этот невыносимый человек снова окликнул его:

— Ты куда?

— Верну четыре чашки, — отрезал Юй Юньлян.

И почему об этом нельзя было сказать раньше? Ночь выдалась на редкость паршивой: деньги потрачены, а спокойствие так и не наступило. Юй Юньлян был уверен, что это проклятое поместье приносит одни неудачи. На ходу натягивая верхнюю одежду, он бросил:

— Ночевать не приду. Допивай и спи.

Он редко говорил так много за раз. Бросив на Ци Цзю последний взгляд, юноша шагнул за порог.

— Юй Юньлян, — принц снова произнес его имя тем же тягучим, неспешным голосом. — На улице холодно.

— Я не боюсь холода, — ответил тот. — Я боюсь жара. Боюсь огня.

Холод был для него привычен и понятен. Он ненавидел тепло грелок, тепло чужой крови и тепло того самого отвара. А еще — жар, исходивший от человека, который только что лежал без чувств... Когда Юй Юньлян снимал его с кареты, рана открылась, и принца затрясло в лихорадке. Его дыхание обжигало, словно раскаленный ветер.

Юй Юньлян полвечера не отходил от него, меняя холодные компрессы, пока жар наконец не спал. Теперь юноше просто необходимо было поспать. Он не смыкал глаз уже двое суток, в груди давило, а ноги словно ступали по мягкой вате. Если он не уйдет сейчас и не найдет какой-нибудь тихий угол, то просто рухнет замертво прямо здесь, на грязный пол поместья.

— Дом хоть и ветхий, но от ветра защитит, — голос за спиной звучал так, будто принц читал его мысли. — Разве здесь не лучше, чем на улице?

— Нет, — холодно бросил Юй Юньлян.

У него не было привычки спать на мягких постелях, да и комнаты он недолюбливал. Укрыться с головой халатом в каком-нибудь укромном углу, где не проберет мороз, — этого ему всегда было достаточно. Терпение юноши иссякло, он хотел немедленно уйти, но от резкого движения силы окончательно оставили его. Перед глазами поплыли золотистые искры.

Юй Юньлян до боли сцепил зубы. Он судорожно вздохнул, пытаясь выпрямиться, сделал несколько шагов и, едва вывалившись за дверь, тяжело привалился к стене. Сил больше не было.

Какая ирония. Говорят, трата денег отводит беду, но, похоже, его главной бедой был сам Шэнь Гэ. Юй Юньлян сполз на холодные плиты, и мир вокруг начал меркнуть. В последнее мгновение перед тем, как провалиться в забытие, он услышал шаги, и чья-то тень закрыла его от холодного лунного света. На плечи опустился тяжелый, подбитый мехом плащ.

— Кто просил тебя... — прохрипел Юй Юньлян, задыхаясь от ярости. — Спускаться... двигаться...

— Я просил тебя не уходить, но ты ведь не послушал, — ответил Ци Цзю. — Считаю, мы квиты.

Оберегая раненый бок, он медленно опустился на землю рядом с юношей и совершенно

буднично предложил свои колени в качестве подушки.

— Поднять я тебя всё равно не смогу, так что давай просто полюбуемся луной.

Сумасшедший. Какая луна в такую стужу? Юй Юньлян попытался было сопротивляться, но его мягко, но уверенно прижали к себе, укутывая в плотный плащ. Лишенный сил, он невольно соскользнул в теплое, темное забытье.

...Он всем сердцем ненавидел это чувство.

Юй Юньлян сжался в комок, его веки подергивались, а зубы были крепко сжаты. Подобная забота рождала в нем опасные иллюзии. Она заставляла забывать, что он — всего лишь оружие. Бездушный клинок, который выбросят за ненадобностью, когда он затупится. Это чувство давало ему ложную надежду на то, что он имеет право снова стать человеком.

***

Юй Юньлян проспал два часа. Он метался в тисках кошмара, его тело вздрагивало, пытаясь вырваться из невидимых оков, но сон держал его крепко. Пока чья-то ладонь не легла на его лоб и не скользнула к затылку, мягко надавливая на нужные точки.

— Просыпайся, — произнес знакомый голос.

Юй Юньлян резко вздрогнул и открыл глаза, обливаясь холодным потом. Было уже совсем светло, на ветках деревьев суетились птицы, наполняя двор звонким щебетом. Он всё еще лежал на камнях, но тяжелый плащ надежно хранил тепло — именно он, похоже, и стал причиной его тяжелых снов. Та самая непреодолимая преграда из кошмара оказалась всего лишь дорогой тканью.

Юй Юньлян на мгновение замер, осознавая реальность, и вдруг вскочил, сбрасывая плащ.

— Ты что, так и не уходил?

Неужели этот человек совсем не дорожит жизнью и хочет, чтобы раны воспалились?

— М-м? — Ци Цзю сидел, привалившись к стене, и неспешно допивал отвар из бурдюка. — Нет, не уходил.

Под навесом оказалось на удивление уютно. Ци Цзю даже наслаждался этим редким моментом единения с природой. Он полвечера перебрасывался картами с Системой в ментальном пространстве, а тепло спящего рядом юноши делало это бдение почти комфортным.

— Видишь, рана не кровит, — Ци Цзю чуть распахнул ворот, давая себя осмотреть. — Разве ты сам не запретил мне двигаться?

— .....

Теперь Юй Юньлян был окончательно уверен: во время падения в реку принц серьезно повредил рассудок. Как можно сначала самовольно выйти на мороз, а потом вдруг вспомнить о запрете и просидеть так до рассвета?!

Юй Юньлян кипел от негодования, но, не решаясь тянуть раненого силой, лишь молча присел рядом и подставил плечо под правую руку Ци Цзю.

— Возвращаемся в дом.

Затем коротко спросил:

— Встать сможешь?

— Попробую, — отозвался принц. — Должно получиться.

Опираясь на юношу, он медленно поднялся на ноги. Постояв немного, пока не утихла боль, он мелкими шагами направился к дверям. Юй Юньлян почувствовал жар, исходящий от его тела, и нахмурился еще сильнее.

— Ты снова горишь?

Ци Цзю коснулся своего лба, а затем — лба Юй Юньляна. Юноша застыл как вкопанный, его лицо мгновенно стало ледяным. От неожиданности он едва не споткнулся на ровном месте, чуть не увлекая принца за собой.

— Это ты ледяной, — Ци Цзю помог ему удержать равновесие. — Что за кошмары тебе снились?

При этом вопросе гнев в глазах Юй Юньляна медленно угас, сменяясь привычной холодностью. Он помог принцу лечь на тахту и коротко бросил:

— Ничего особенного.

Ци Цзю не стал настаивать на ответе. Он лишь кивнул и, откинувшись на подушки, прикрыл глаза. Юй Юньлян принес чистую воду и бинты, готовясь к перевязке. Когда он расстегнул одежду принца, то увидел, что роскошный рукав из облачной парчи безнадежно смят и

превратился в бесформенную тряпку. Эта ткань, расшитая золотыми нитями, стоила целое состояние — в ломбарде за такую вещь дали бы столько, что хватило бы на телегу лучших лекарств.

Доставая притирки, Юй Юньлян снова почувствовал знакомую боль за потраченные средства:

— Неужели нельзя бережнее относиться к вещам?

Купил отвар — и не выпил, купил грелку — и не коснулся её. Дорогой плащ использовал как подстилку на камнях, пока тот не протерся до дыр... Похоже, свергнутый наследный принц окончательно решил оставить надежды на трон и просто пустить по ветру всё, что у него осталось.

— М-м? — Ци Цзю открыл глаза и, взглянув на измятый рукав, тихо рассмеялся. — Буду стараться.

Затем он добавил:

— Ты умеешь вести счета? Если да, то все финансы поместья будут на тебе.

Юй Юньлян бросил на него долгий, нечитаемый взгляд и снова склонился над раной.

— Не умею.

Ци Цзю с легким сожалением вздохнул. Понаблюдав немного за тем, как юноша ловко меняет бинты, он зевнул и снова погрузился в сон. Юй Юньлян закончил работу, затянув узел на повязке покрепче. Не говоря ни слова, он осторожно взял Ци Цзю за плечи и помог ему устроиться поудобнее. Согрев ладони о жаровню, он снова коснулся лба принца.

...Жар не спадал. А этот человек еще смел шутить, будто дело в холоде Юй Юньляна.

— Зачем ты это делаешь? — тихо спросил юноша. — Тебе так надоело жить?

Он смочил ткань в ледяной воде и положил её на лоб Ци Цзю, решив менять компрессы каждые несколько минут. Этот человек был совсем не таким, как те, кого он знал раньше. Жизнь евнуха — дешевая и живучая: он мог пролежать на камнях всю ночь или рухнуть в углу от усталости, и всё равно бы выжил.

Но Шэнь Гэ был другим. Даже не считая его вечной болезненности, он был принцем крови, и такая жизнь была ему не по плечу. Юй Юньлян начал сомневаться, достаточно ли одних компрессов. Может, стоит снова отвезти его к лекарю?

Решение пришло само собой. Когда юноша нанял карету и помог Ци Цзю подняться в неё, лицо Юй Юньляна было чернее тучи. Он и представить не мог, что арест экипажа стоит так дорого.

— Опять куда-то едем? — Ци Цзю, который честно собирался пролежать три дня, недовольно поморщился. — Может, обойдемся без лекаря?

— Жар возвращается, и я боюсь, что дело не только в ране, — сурово ответил Юй Юньлян. — Лекарь сказал, что только после осмотра сможет поставить точный диагноз.

К этому моменту Ци Цзю уже полыхал. Опираясь на юношу, он медленно забрался в карету и, сверившись с внутренними данными, коротко бросил:

— Это яд.

Он сказал это так буднично, что Юй Юньлян опешил.

— Если яд не подавлять, будет именно так, — пояснил Ци Цзю. — Сначала лихорадка, потом озноб, и так семь дней. Лекарства тут бессильны.

Юй Юньлян, как раз помогавший ему устроиться на подушках, замер и в упор посмотрел на принца. В этот миг юноша словно преобразился: его взгляд стал холодным и жестким, как у того самого всесильного главы надзора из прошлой жизни.

— Я никогда... об этом не слышал, — медленно произнес он, чеканя каждое слово. — Откуда тебе это известно?

На самом деле он хотел сказать «никогда не видел». В его памяти Шэнь Гэ никогда не страдал от подобных приступов. Он ежедневно исполнял поручения принца и знал о каждом его недомогании. Если бы такое случилось раньше, Юй Юньлян не мог бы этого не знать.

Но Ци Цзю лишь вздохнул: Шэнь Гэ никогда не владел боевыми искусствами, и это — по иронии судьбы — спасало его.

— Если использовать истинную ци, яд устремляется к даньтяню. Вот и результат.

— Ты использовал истинную ци... — эхом отозвался юноша. Он отвел взгляд, лихорадочно соображая. — В водяной тюрьме? Нет, не только...

...Не только. Он использовал её, когда удерживал обезумевших коней, не давая карете рухнуть в Хуньхэ... когда спасал его от смерти. И когда бросился с моста Удин в бушующий поток, чтобы вытащить его из воды. Все эти дни Юй Юньлян был слишком занят заботой о раненом, чтобы осознать всё это.

Он сидел неподвижно, до боли сжимая край рукава, словно хотел разорвать ткань в клочья. Ци Цзю мягко накрыл его ладонь своей:

— Не порти вещь.

— ..... — Юй Юньлян поднял на него тяжелый взгляд. — Чего ты на самом деле хочешь?

— Сэкономить твои деньги, — Ци Цзю слабо усмехнулся. — Если ты так настаиваешь на лекаре, то платить придется тебе. У тебя еще осталось серебро?

— .....

Серебра почти не осталось. Но сейчас это было неважно.

— Почему ты спас меня? — прямо спросил Юй Юньлян. — Что ты хочешь получить взамен?

Ци Цзю встретил его взгляд, и с его лица исчезла привычная усмешка. В этот миг юноша был похож на идеально отточенный клинок. Холодный, твердый, лишенный эмоций и привязанностей. Пустая оболочка, в которую можно вложить что угодно. Возможно, когда-то он был другим, но мир требовал от него вытравить из себя всё человеческое, выкинуть сердце и забыть о душе.

Юй Юньлян так и сделал. И постепенно забыл, что когда-то тоже был живым человеком. Ци Цзю не собирался действовать силой. Заставлять клинок снова чувствовать — значит обречь его на муку, ведь внутри уже ничего не осталось.

— Если мне и впрямь понадобится помощь... — медленно начал Ци Цзю. — Ты поможешь?

— Помогу, — без тени сомнения ответил Юй Юньлян.

Месть и ненависть были сами по себе, и он еще вернет этот долг, когда придет время. Но сейчас он должен был расплатиться за эту нелепую доброту. Если так пойдет и дальше, то даже смерть не покроет его долг. Юй Юньлян опустился на колени в тесной карете, достал свой яопай и, подняв его над головой обеими руками, протянул принцу.

Всё это он проделал так изящно и бесстрастно, словно заведенная кукла. Ци Цзю даже не успел поднять руку. Юноша замер с опущенной головой, ожидая, когда у него заберут залог. Но ничего не происходило. Он поднял взгляд.

Ци Цзю едва заметно качнул головой и жестом подозвал его к себе. Юй Юньлян нахмурился, быстро спрятал табличку и оказался рядом, поддерживая принца со спины.

— Что случилось?

Ци Цзю на мгновение прикрыл глаза, а затем указал на его рукав. Поняв, что принцу нужен платок, юноша протянул его и тут же услышал надсадный кашель. Ци Цзю сотрясался в приступе, но не мог даже вздохнуть. Юй Юньлян затаил дыхание. Его пальцы, сжимавшие край одежды, побелели от напряжения, но он всё же заставил себя поднять руку и короткими, точными ударами прошелся по спине принца.

После третьего удара тело в его руках содрогнулось и безвольно обмякло. На платке расплылось алое пятно.

— ...Всё в порядке, — прошептал Ци Цзю, тяжело дыша. — Помоги мне...

Юй Юньлян застыл, словно обратившись в камень. Соизмеряя силы, он медленно положил свою холодную ладонь на грудь Ци Цзю. Он боялся сделать лишнее движение, его руки, никогда не знавшие страха перед мечом, теперь дрожали и не слушались. Лишь спустя время Ци Цзю наконец смог вздохнуть полной грудью и расслабленно привалился к плечу юноши.

Юй Юньлян поднес к его губам бурдюк, давая выпить немного сладкого отвара. Сделав пару глотков, Ци Цзю прочистил горло и тихо спросил:

— Испугался?

Юй Юньлян молча качнул головой. Принц не слишком ему поверил, но его брненное тело постоянно подкидывало сюрпризы.

— Карету трянуло, вот дыхание и перехватило. Ничего страшного.

Он вернулся к прерванному разговору:

— Не нужно отдавать мне свой яопай... Носи его сам.

Ци Цзю позволил себе слабую шутку:

— Если у нас снова кончатся деньги, будет что оставить в залог.

— ..... — Юй Юньлян не принял шутки. Уложив принца на подушки, он спросил: — Что я должен сделать?

Ци Цзю еще не решил. Он закрыл глаза, пытаясь выровнять дыхание, и качнул головой. Юй Юньлян произнес:

— Я могу убить для тебя императора.

Ци Цзю снова закашлялся:

— .....

«Хорошая мысль». Вот только обсуждать заговор в карете было не самым разумным решением, да и Юй Юньляну вовсе не стоило в это ввязываться. Участь того императора уже была предрешена самой судьбой. В этом и заключалась главная ирония: в прошлой жизни Шэнь Гэ пошел на всё, пожертвовал Юй Юньляном ради того, чтобы увидеть смерть тирана.

Но никто не знал, что Юй Юньлян не разбирался в ядах так, как разбирались в них при дворе... Те снадобья, что он подсыпал, не могли убить правителя. Император умер бы в любом случае — его порочная, полная излишеств жизнь истощила его до предела. Каждую ночь его преследовали тени прошлого, а кошмары медленно подтачивали его сердце. Яд тут был ни при чем.

— Оно того не стоит, — лениво отозвался Ци Цзю. — Губить тебя ради этого... было бы слишком большой потерей.

Юй Юньлян опустил взгляд, его зрачки едва заметно сузились. В этот момент карета остановилась у лечебницы, и разговор пришлось прервать. Ци Цзю накинул плащ, который подал ему юноша. Опираясь на плечо Юй Юньляна, он медленно вошел в здание, которое посещал уже не в первый раз.

Старый лекарь, пользовавшийся огромным уважением в народе, продолжал свое дело, несмотря на все слухи вокруг его пациентов. В зале былолюдно, и старик, кивнув гостям, попросил их подождать. Юй Юньлян помог Ци Цзю устроиться в тихом, прохладном углу. Свежий воздух немного привел принца в чувство. Юноша накрыл глаза Ци Цзю ладонью, и тот, не сопротивляясь, прикрыл веки и задремал, привалившись к его плечу.

...В эти дни погода была капризной, и многие горожане слегли с простудой. В лечебнице было оживленнее, чем на торговой площади. За те несколько минут, что они ждали, многие посетители украдкой поглядывали в их сторону. Свергнутый наследный принц был личностью известной, и его лицо знал чуть ли не каждый житель столицы. То, что он стал частым гостем у лекаря, наверняка породит новые слухи, и какой-нибудь уличный прорицатель снова заведет волынку о том, что дни Шэнь Гэ сочтены.

Юй Юньлян невольно нахмурился. Он прижался к Ци Цзю плотнее, закрывая его от любопытных глаз. Потертый край плаща он постарался спрятать под своей одеждой. Хорошо хоть, что перед выходом он заставил принца переодеться, и теперь из-под плаща не выглядывал измятый рукав.

При мысли о том, что сегодня ему снова придется тратить свои сбережения, Юй Юньлян вновь

почувствовал укол досады. Ему нестерпимо хотелось отчитать этого человека за его расточительность:

— Ты...

Услышав его голос, Ци Цзю приоткрыл один глаз:

— М-м?

Но юноша не закончил фразу. Он замер, не сводя глаз с ребенка, сидевшего неподалеку. Мальчик лет пяти, судя по богатой одежде и массивному серебряному замку на шее, был из обеспеченной семьи. Он заливался слезами, испуганный каким-то дурным сном. Его пухлые ручки, похожие на нежные корни лотоса, судорожно вцепились в одежду взрослого.

...Всё это было бы неважно, таких детей в столице пруд пруди. Юй Юньлян видел их сотни раз и никогда не обращал на них внимания. Но сейчас он не мог отвести взгляда от маленьких кулачков.

— «Этот принц... Неужели он и впрямь просидел всю ночь на морозе только потому, что не хотел меня будить?»

Юй Юньлян посмотрел на Ци Цзю. Тот, не дождавшись продолжения разговора, снова закрыл глаза, пытаясь перехватить руку юноши, чтобы укрыть ею лицо. И Юй Юньлян послушно накрыл его глаза своей ладонью. Он до сих пор не мог понять: для него спать на камнях было делом привычным, но почему Ци Цзю, имея теплую постель, предпочел два часа сидеть на холоде рядом с ним?

Когда он упрекнул его в расточительности, принц даже не стал оправдываться, лишь лениво пообещал исправиться.

...Юй Юньлян снова вспомнил тот измятый рукав. Мальчик, напуганный кошмаром, мертвой хваткой вцепился в рукав матери, прячась в нем от своих страхов. Ткань была безнадежно скомкана — точно так же, как и у Ци Цзю.

<http://bllate.org/book/16113/1590929>